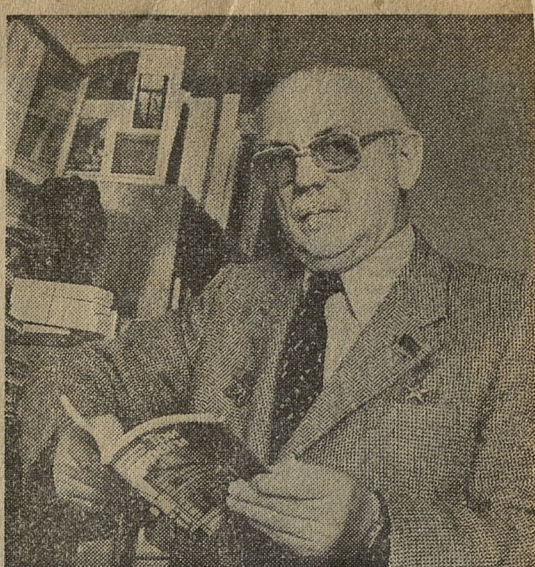

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

СКВОЗЬ ГОДЫ В НАШ ДЕНЬ

Сергею Владимировичу
Михалкову — 70 лет

Несколько лет назад ко мне попала одна пожелтевшая от времени фотография, сделанная, как потом выяснилось, в августе 1941 года на Украине. На снимке была изображена группа сотрудников газеты Южного фронта «Во славу Родины». Яркий солнечный день, пыль, погода, судя по всему, была жаркой, безмятежной, как говорится, совершенно мирной, хотя где-то совсем рядом — и это совершенно очевидно — грохотали выстрелы, в воздух взмывали плоские хвосты взрывов, горели дома, степь, поля. В небольшом дворе, носом к воротам, стояла пыльная, с еще неостывшим мотором «эмка», к крылу которой было приторочено запасное колесо, а под нее — люди в военной форме, с кубарями и шпалами в петлицах. Это были военные корреспонденты фронтовой газеты А. Левада, Л. Железнов, И. Френкель, Б. Горбатов, редактор газеты полковой комиссар Погарский, С. Михалков, Н. Кружков, В. Поляков, Л. Шаширо.

Помню, я показал тогда фотоснимок одному из «действующих лиц» — поэту Илье Френкелю, чтобы выяснить, где, когда, при каких обстоятельствах этот снимок был сделан.

— Столько времени прошло, а было это словно бы вчера, ей богу! — воскликнул Илья Френкель, едва взглянув на снимок. — Редкостный случай, когда мы неожиданно после поездов собрались вместе и кто-то из фоторепортеров — не помню уже кто — шелкнул нас. Было довольно тяжелое время, наши части отступали, но мы — вы только посмотрите на эти веселые лица! — не унывали, верили в победу. Вот спокойный, всегда уравновешенный Борис Горбатов. Он был среди нас, писателей, самым «военным», самым опытным. Наша редакция часто перемещалась из города в город — мы были, что называется, газетой «на колесах». Колонну грузовиков с типографским имуществом разбивали на несколько групп. Обязательно на несколько, иначе с воздуха можно засечь всех сразу и разбить в пух и прах — в общем, каждая группа уходила своим маршрутом. Газету мы выпускали регулярно, командиром корреспондентской группы во время передвижения всегда был Борис Горбатов — человек, который, на мой взгляд, в самых немислимых, самых безвыходных ситуациях мог отыскать единственно правильное решение. А душой редакции был «главный специалист по юмору» Сергей Михалков. Газета с его острыми рассказами зачитывалась до дыр, честное слово.

Илья Френкель умолк на несколько минут, припоминая что-то.

Однажды летом сорок первого Илья Френкель и Сергей Михалков на редакционной полutorке выехали на задание, на стык двух фронтов. Френкель остался на стыке, а Михалков умчался в Умань, расположенную километрах в пятидесяти от стыка. Ночью немцы нанесли танковый удар, отрезали от Умани. Утром следующего дня Френкель попытался с машиной полевой почты пробиться в Умань, но на дороге показались немецкие танки. Пришлось спрятаться в редком березовом леске. Вдруг случайно на одной из полян Френкель наткнулся на редакционную машину — полторку. Шофер — москвич, веселый и отчаянный парень. Через десять минут поднялся на хребтину здорovenного холма и увидел вдруг, что с той стороны хребтины ползет тяжелый немецкий танк. Танкисты несколько растерялись — ведь прямо на них нахально, не боясь ни бога, ни черта, лезла русская полторка — замешкались, в общем, фрицы. В это время полторка

на полной скорости совершила отчаянный прыжок через кювет, врубилась в высоченное кукурузное поле и пошла, и пошла петлять зигзагами. Танкисты опомнились, стали бить вдогонку снарядами. Но повезло, ушли...

Ночью Илья Френкель вернулся в редакцию. Умань к тому времени уже взяли немцы. Шатаясь от усталости, Френкель вошел в комнату редактора, доложил о прибытии. А потом сообщил следующее:

— Товарищ полковой комиссар, должен сообщить, что Михалков остался в Умани, к нему я не прорвался, Михалков погиб.

Редактор посмотрел устало на Френкеля, коротко бросил: — Идите отдыхать.

Едва Френкель пристроился на скрипучей кровати, закрылся шпинелью, вдруг услышал голос... Михалкова. Тот доложил о прибытии, затем сказал:

— Френкель, кажется, погиб. Он остался на стыке фронтов, там погиб весь полк.

— Ладно, — редактор невольно улыбнулся, — идите отдыхать, — он снова улыбнулся. Хотя и тяжелое было положение, фашисты напирала со всех сторон, и не до улыбок вроде бы, а все-таки жизнь есть жизнь, даже смертельные ситуации заставляли иногда улыбаться.

На следующий день и был сделан снимок, что много лет спустя попал мне в руки.

Эта фронтовая история невольно вспоминалась сегодня, когда Сергею Михалкову, поэту, драматургу, общественному деятелю, солдату Великой Отечественной, исполняется 70 лет.

Любопытная психологическая вещь: когда я, например, пациентом-третьеклассником назистов читал великолепного «Дядю Степу», то тогда мне невольно казалось, что автор стихотворения — умудренный опытом и жизнью пожилой человек, на деле же он был совсем молодым, просто юношей, вчерашним школяром, который взял да написал стихотворение, напечатал его и поутру проснулся знаменитым.

Миллионам читателей знакома поэзия Сергея Михалкова, сотням тысяч зрителей знакомы его пьесы. Я видел многие спектакли поставленные по пьесам Сергея Михалкова. Остановлюсь на одной, которая и сейчас идет на сцене.

Думаю, каждому из нас на глаза попадались газетные заметки, в которых сообщалось: в таком-то городе при строительстве нового дома был обнаружен склад неразорванных немецких снарядов; в таком-то селе поля вода подмыла берег реки и из глиняного прогала выглянул ржавый, погнутый ударом стабилизатор бомбы, сброшенной с гитлеровского самолета, — вонзилась бомба, словно заусенец, в берег, но детонатор не сработал, и бомба целехонькой чушкой осталась гнить в земле. Называются имена героев-саперов, которые, рискуя жизнью, обезвреживают опасные находки, разряжают их, взрывают на безлюдных полях, на пустырях и в оврагах.

Пьеса Сергея Михалкова «Эхо» рассказывает именно о такой ситуации, о том, как был найден склад химических бомб, зарытый когда-то в землю фашистами, как был он обезврежен. Главный герой пьесы — седой генерал, он хорошо военный, отмечен многими высокими воинскими отличиями, он и в мирное время продолжает службу в армии, занимая пост командующего округом. У генерала Раскатова великолепная, дружная семья, есть отличный сын, которого генерал любит, хотя часто бывает с ним суров.

Сын его, Александр, ведет себя точно так же.

Но вот пришла беда — Раскатова-отца достал отголосок войны, зловещий, болезненный, генерал понял, что неизлечимо болен — и так болен, что смерть может наступить в любую минуту. И наступает... И ничего тут не поделаешь...

В воинский строй становится Раскатов-младший. Хотя, думаю, что приход Шуры Раскатова в армию обусловлен не только этой, бросавшейся сразу же в глаза причиной: раз умер отец, значит, в строй должен встать сын, нет... Тогда что же еще заставило молодого человека, преуспевающего в жизни кандидата наук, любимого красивой женщиной и любящего, сменить свое «гражданское» призвание и все-таки пойти по стопам своего отца? Ответ простой: долг. Ибо пока есть на земле раны войны, пока существуют опасные сюрпризы, сорок лет назад подготовленные гитлеровцами, — склады ржавых, готовых в любую минуту взорваться снарядов, химических бомб, мин, прочего железа, начиненного смертью, пока вообще на земле есть угроза войны, нужно служить миру.

Один мудрый человек сказал, что новая война начинается, лишь когда люди забывают запах войны старой. Забыли «запах» — значит не знают, что такое война, что это за вещь — безжалостная, кромсающая жизни. Ведь даже когда она кончается, все равно оставляет после себя слезы и память. Страшные слезы, страшную память. А пока не забыт «запах» — войны не будет. Но как забыть, когда метки обнаруживаются чуть ли не каждый день?

Хотя война впрямую не присутствует в пьесе, как некий психологический фон, обязательное условие действия, она постоянно ощущается — дыхание ее чувствуется, шаг ее, слезы — все это заметно, зримо, все это пережито когда-то Сергеем Михалковым.

Наш каждый шаг, политый кровью,
Пускай моей, пускай твоей,
Благословен святой любовью,
Слезам русских матерей...
Нас жег с тобой огонь пожара,
Дым пепелищ слепил глаза,
Но не от дыма мне, товарищ,
Зрачок туманила слеза,
И нам с тобой забыть едва ли,
Как на асфальте площадей
Мы жертвы с виселиц снимали
И в детских лицах узнавали
Черты своих родных детей.
Вот почему мы твердо знаем,
За что деремся на фронтах,
За что ночей недосыпаем
В сырых, холодных блиндажах.

Я специально остановился на драматургии — одной из составных частей творчества Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР Сергея Михалкова — роде искусств, близком читателям «Советской культуры». А ведь можно еще много рассказывать о других гранях жизни и деятельности Сергея Владимировича Михалкова — о том, как исполняет он свои обязанности депутата Верховного Совета СССР, председателя правления Союза писателей РСФСР, секретаря правления Союза писателей СССР, главного редактора популярнейшего киножурнала «Фитиль», действительного члена Академии педагогических наук СССР, как работает в поэзии, в кино, в сатире, в литературе для детей, какую международную деятельность ведет — тут сокрыт материал еще для нескольких статей.

Валерий ПОВОЛЯЕВ.
Фото В. Крохина.